

Р.С. Курьер

Мода

Рубрику ведет Ирина ПЕТРОВА

Рыцарь нового образа

Ровно сто лет назад, 21 января 1905 года в небольшом городке Гранвиле на северо-западе Франции появился на свет горластый, толстенький и розовощекий младенец. Его родители и предположить не могли, что имя их отпрыска окажется навеки вписанным в историю моды. Именно Кристиану Диору суждено было открыть миру новую женственность и стать гуру моды конца 40-50-х годов прошлого века.

К своему успеху Диор шел долго, четыре с лишним десятка лет. Средний сын одного из богатейших людей Франции, сколотившего недюжинное состояние на производстве удобрений, совершенно не интересовался семейным бизнесом. Впрочем, к слову, и два других отпрыска Мориса Диора не собирались приумножать богатство отца. Однако судьба распорядилась так, что знаковый след в истории суждено было оставить именно среднему, Кристиану, неуклюжему, топотому увалюню, про которого и подумают-то никто не мог, что он далеко пойдет — слишком

инертным и ленивым казался он окружающим. Его Величество случай В тинейджерстве Диор мечтал стать архитектором. А еще жить в Париже. Из его замыслов осуществился только второй — по настоянию родителей в пятнадцать лет юноша поступил в Высшую школу политических наук, на отделение финансов. Но гораздо больше учены его интересовала богемная жизнь Парижа. Родители были далеко и наивно верили сказкам своего чада о том, как он в поте лица постигает азы бизнеса. В награду за прилежность они даже спонсировали его щедрой суммой денег, чтобы Кристиан смог оплатить занятия живописью, которые он очень хотел посещать. Но великого финансиста из юноши не получилось. Предпочитая проводить свободное время в художественной студии или на вечеринках, он вначале остался на второй год, затем и вовсе забросил учебу. Родителям, обеспокоенным поведением своего упрямого сына, ничего не оставалось, как спонсировать его еще уже на открытие собственной художественной галереи. Надо же было их неупрежнему отпрыску хоть чем-то заниматься!

По легенде, мадам Диор, которой любая торговля, пусть даже картинами и скульптурами, казалась плебейством, вручила ему деньги со словами: «Только чтобы имени моего на вывеске не было!» По другой, еще более красивой легенде, несколько десятков лет спустя как-то взглянув на фасад своего Дома моды, где светились огромные буквы Dior, Кристиан воскликнул: «Если бы моя мамочка была жива, я бы ни за что не посмел повесить такую вывеску!» Однако именно благодаря стараниям матери, уговорившей сурового отца не слишком сердиться на сына, в 1928 году Кристиан

брат, с детства отличавшийся некоторыми странностями в поведении, попал в психиатрическую клинику (спустя много лет он там и умер), затем умерла мать, наконец последней каплей стало разорение отца. Как и многие, кого коснулась великая депрессия, Морис Диор стал банкротом. Да и спрос на картины упал до минимума. Вскоре галерею пришлось закрыть. Вдобавок ко всему врачи обнаружили у Кристиана туберкулез. Благодаря помощи друзей молодой человек смог оплатить лечение, после чего уехал восстанавливать свое здоровье на Ибицу. За год, который он провел там,

Мир слишком устал от аскетичной моды военных лет, и поэтому женственные платья Диора с пышными юбками, корсетами и пышными лифами, множеством пуговиц и драпировок, открытые плечи и осиные талии были восприняты на ура

Диор вместе со своим другом-ювелиром открыли весьма успешную галерею. Делая шаг в гору. Но вскоре налаженная жизнь начала рушиться: вначале его младший

у него было время переосмыслить жизненные ценности и свое место в жизни. Уверять, что именно на Ибике у него возникла мысль стать дизайнером.

Диор Кристианом

21.01.05

образа

По возвращении в Париж один из приятелей, работавших в ту пору художником в журнале мод, взялся обучать Диора секретам ремесла. К удивлению всех ленивый и флегматичный Кристиан с необыкновенным рвением взялся за новое для него занятие, и часами мог рисовать фасоны нарядов и эскизы шляпок и сумочек. Подобные старания не остались незамеченными — вскоре его эскизы стали пользоваться популярностью парижские модистки, меховщики и владельцы ателье, модные журналы начали просить для публикаций его рисунки. Стали поступать и заманчивые предложения о сотрудничестве с известными Домами моды. В 1938 году Диор взял на себя должность штатного дизайнера известнейшего модного дома Piguet, а в 1941 году он стал помощником другого знаменитого французского модельера тех лет Люсьена Лелона. Несколько лет назад Диор уже приходил наниматься к нему на работу обычным конторским служащим, но тогда Лелон отказал ему в самой жесткой форме.

Его ателье оказалось одним из немногих, которое не прекратило работу в годы немецкой оккупации. Там Диор проработал до 1946 года. Приглашенные на показ, оказались в райском саду: всюду были расставлены букеты цветов, по залам ходили красивые девушки и опрыскивали гостей духами с необычным цветочным ароматом, вместе с новой коллекцией Кристиан представил и свои первые духи Miss Dior. Впоследствии Кристиан Диор не раз повторял, что духи не излишний штрих, а заключительный аккорд, необходимый любой мелодии, любому наряду. «Без аромата нет платья», — уверял он. Но еще более ошеломляющим стало дефиле. Мир слишком устал от аскетичной моды военных лет, и поэтому женственные платья Диора с пышными юбками, корсетами и пышными лифами, множеством пуговиц и драпировок, открытые плечи и осиные талии были восприняты на ура. И модницы снова обличались в кружева и роскошные ткани с богатой отделкой. Они даже готовы были вновь носить корсеты и кринолины, отвергнутые в начале века и снова готовые были падать в обморок, но казаться хрупкими и стройными. Что подельше, женщины снова захотели стать женственными! «Мы прощались с войной, ее униформой и крепко сложенными женственными военными», — писал впоследствии в своих мемуарах Диор. New look (новый облик, новый взгляд) — так назвали эту моду, а женщин в платьях от Диора сравнивали с цветками. По подсчетам Диора, за этот год его Дом обслужил 25 тысяч клиентов.

Работал он на износ. Почти каждой модели он давал свое название, так в историю моды вошли костюм-бар, состоящий из приталенного жакета на четырех пуговицах и широкой юбки), платье-юбка в стиле XVII века «диорама», «принцесса» — элегантно, расширяющаяся книзу пальто с капюшоном... Всего за 11 лет работы ди-

ни, так в историю моды вошли костюм-бар, состоящий из приталенного жакета на четырех пуговицах и широкой юбки), платье-юбка в стиле XVII века «диорама», «принцесса» — элегантно, расширяющаяся книзу пальто с капюшоном... Всего за 11 лет работы ди-

це показа, на фоне стройных манекенщиц он казался неуклюжим толстяком). Гадалка не советовала ему уезжать, что-то недоброе чудилось ей в этой поездке. Но на этот раз Диор против своего обыкновения решил не слушать ее. Увы, прорицательница как в воду глядела. Вскоре после отъезда, 24 октября 1957-го, у Диора случился апоплексический удар.

Мир моды был в трауре. Казалось, Диора не сможет заменить никто, его Дому предрекали медленное угасание. Когда огласили завещание кутюрье, ошарашены были все: своим официальным преемником он назначил своего любимого помощника, Ива Сен-Лорана. Лорану на тот момент только-только исполнился двадцать один год.

Новые короли Через три месяца Лоран представил публике линию «трапеция» — тот самый силуэт в форме буквы А, над которым он начал работать еще вместе со своим учителем. Широкие юбки-колокольчики и трогательные платья с завывающими талиями публика приняла на ура. «Король умер, да здравствует король!» — писала пресса. Иву Сен-Лорану все предрекали еще более грандиозный успех, чем тот, который выпал на долю его учителя. Но следующая коллекция была встречена более прохладно, видимо, юноша перестарался. И вскоре вместо работы над очередной коллекцией тот загремел в армию. Сплетники говорили, что тут постарался Марсель Буссак, тот самый текстильный магнат, которому принадлежал Дом. Помимо личных разногласий, то и дело возникающих между хозяином и главным дизайнером, Буссак осторожничал: слишком смелыми ему казались некоторые эксперименты юного творца.

После нескольких недель в казарме Сен-Лоран попал в психиатрическую клинику. Когда он вышел оттуда, его место уже было занято племянником Диора Марком Боаном, до этого руководившим лондонским филиалом Дома Dior. Но Боан не был экспериментатором и просто продолжал работать в традициях своего знаменитого родственника. Никаких открытий почти за два десятка лет работы на этом посту он не совершил. В 1989 году художественным руководителем Dior стал Джанфранко Ферре. И хотя поначалу публика повозмущалась, мол, как же это можно, ставить во главу исконно французского Дома моды какого-то итальянцу, вскоре Ферре снизвал симпатии клиентуры. Даже удостоился главной награды французской моды — «Золотого наперстка». Но новый виток триумфа Дома Dior начался только благодаря его преемнику, экстраординарному британскому дизайнеру Джону Гальяно, сменившему Ферре в 1996 году. И хотя многие уверяли, что англичанин без роду и племени, которого за глаза называли не иначе как «дикий британец», не продержится на новой должности и года, все оказалось иначе. Менше чем через год после своего назначения на должность художественного руководителя Диора Джон Гальяно представил первую коллекцию haute couture, так совпало, что она стала юбилейной: в 1997 Дом Dior пышно праздновал пятидесятилетний юбилей. Готовясь к дебюту в новой роли, Гальяно львиную долю времени провел за изучением эскизов великого мастера. «Я не собираюсь повторять знаменитый new look. За свою короткую карьеру Диор оставил нам множество намеков», — пообещал Гальяно. На взгляд Джона, в XXI веке образ женщины Диора, которая всегда являлась для миралицетворением истинной парижанки, начал тускнеть. Именно поэтому он с такой безудержной смелостью ударился в эксперименты! «Я никогда, даже в своих самых смелых мечтах не предполагал, что буду работать у Диора. И сегодня мне до сих пор порой хочется ущипнуть себя, чтобы убедиться, что это действительно так. Месье Диор был Богом моды. Поэтому для меня эта марка всегда была чем-то вроде божества, своеобразной вершиной сродни Эйфелевой башне», — говорит Гальяно. Все, чем была моя жизнь, хочу я этого или нет, воплощено в платьях», — уверял некогда Кристиан Диор. «Мы просто слегка стянули паутину, придали вещам легкость. Наша одежда по-прежнему вполне традиционна и отлично сидит, но она создана для женщины, легкой на подъем, которой ничего не стоит слетать в Нью-Йорк пообедать», — продолжил спустя несколько десятилетий его преемник Гальяно. Отчасти оба они — и патриарх французской моды, и английский авангардист — похожи: и любовью к новаторству и эпатажу, и страстью к перформансам, и, самое главное, безмерным уважением к женственности. Модели Гальяно называли какими угодно: странными, эксцентричными, даже пошлыми, но никогда в адрес модельера не звучало упреков в асексуальности.